

Секретные инструкции А.Х. Бенкендорфа в восприятии жандармских офицеров 1820–1830-х гг.

Григорий Бибиков

The secret instructions of A.Kh. Benkendorf
in the perception of gendarme officers of the 1820s and 1830s

Grigoriy Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25020212, EDN: ECWVMW

Историки дореформенного Корпуса жандармов уделяют основное внимание изучению деятельности и круга должностных полномочий губернских штаб-офицеров, главным руководством для которых являлись секретные инструкции 1826–1827 гг.¹ Между тем в литературе почти не затрагивался вопрос о том, как сами жандармы оценивали эти документы и своё служебное положение в целом².

В начале 1826 г. генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф, входивший в ближайшее окружение Николая I, представил императору проект реорганизации высшей полиции, предложив, в частности, направить в губернии жандармских офицеров из «людей честных и способных, которые часто брезгают ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность». Оказывая поддержку гражданским и военным властям, жандармы должны были «употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха»³.

© 2025 г. Г.Н. Бибиков

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01576 «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху» (<https://rscf.ru/project/23-28-01576>).

¹ См., в частности: *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007; *Романов В.В.* Подразделения политической полиции в Поволжских губерниях в 1826–1860 гг.: формы и основные направления деятельности. Ульяновск, 2008; *Румянцев П.П.* Сибирский жандармский округ в системе имперской власти (1833–1902 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2024.

² Едва ли не единственное исключение: *Сидорова М.В.* «Высшую полицию в России ожидали со страхом» (жандармы о себе самих) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1. М., 2006. С. 14–24. Отношение жандармов к своей службе на рубеже XIX–XX вв. рассмотрено в книге: *Лаврёнова А.М.* Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М.; Берлин, 2023.

³ Проект г. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 104. С. 615–616. Кн. С.Г. Волконский полагал, что идея привлечь жандармов к деятельности высшей полиции возникла у Бенкендорфа ещё в 1807–1808 гг., когда он состоял при русском посольстве во Франции: *Волконский С.Г.* Записки. СПб., 1902. С. 135. Высказывалось также предположение, что на Бенкендорфа могло повлиять знакомство с бумагами П.И. Пестеля: *Ольминский М.С.* Из прошлого. М., 1919. С. 10–12; *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 744. См. также: *Леонтьев А.А.*

25 июня 1826 г. Бенкендорф стал шефом Корпуса жандармов, к сентябрю в обе столицы были назначены окружные начальники. Наблюдать за положением дел в губерниях следовало особым штаб-офицерам, которых ещё предстояло отобрать. Для них составили секретную инструкцию, определявшую «общие цели и конкретные задачи деятельности политической полиции»⁴. Д.И. Олейников охарактеризовал этот документ как «грандиозный социальный проект, предложенный консерватором, и потому направленный не на переустройство общества, а на оздоровление его при существующем устройстве»⁵.

Между тем обстоятельства появления данного текста не до конца ясны. В начале 1850-х гг. служащие III отделения Собственной е.и.в. канцелярии заинтересовались тем, «кто именно и на каком основании или соображении» готовил инструкцию. Соответствующее дело уничтожили ещё в 1839 г., но удалось выяснить, что она «была уже составлена в сентябре 1826 года» и вскоре подписана Бенкендорфом и утверждена Николаем I. Один из давних чиновников ведомства свидетельствовал о том, что, «сколько известно, инструкция эта составлена управляющим 3-м отделением... Максимом Яковлевичем фон Фоком»⁶.

Секретное наставление представляло собой свод служебных правил, в самых общих выражениях очерчивавших круг деятельности жандармских чинов⁷. Перед Корпусом жандармов ставилась задача «споспешествовать благотворительной цели государя императора и отеческому его желанию утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий, видеть их охраняемыми законами и восстановить во всех местах и властях совершенное правосудие». Штаб-офицерам поручалось «предупреждение и отстранение всякого зла», и для этого им следовало обратить особое внимание «на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки», а также «наблюдать, чтоб спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью, или преобладанием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных». Обнаружив подобные случаи, жандармы должны были «лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов,

Высшая полиция и жандармерия в Российской империи: заимствования и новации // Новое прошлое / The new past. 2022. № 4. С. 130–143.

⁴ Андреева Т.В. Тайные общества... С. 750. См. также: Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 58–59; Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019. С. 15–18.

⁵ Олейников Д.И. Александр Христофорович Бенкендорф // Российские консерваторы. М., 1997. С. 81.

⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 1522, л. 4 об. Впервые инструкцию опубликовал О.М. Бодянский: Инструкция жандармским чиновникам // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Кн. 1. С. 197–199. В 1889 г. П.И. Бартенев поместил в своём журнале этот текст под неточным заголовком «Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику Третьего отделения» (Русский архив. 1889. № 7. С. 396–398). Наиболее ранний опубликованный вариант инструкции датирован 13 января 1827 г., когда её получил жандармский полковник И.П. Бибииков, отправлявшийся с секретной миссией в южные губернии (Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. Приложения. С. 781–782). Т.В. Андреева обнаружила в фондах РГИА рукописную копию инструкции, предположительно относящуюся к октябрю 1826 г. (Андреева Т.В. Тайные общества... С. 750).

⁷ Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб., 2023. С. 14.

или те лица, между коих замечены... будут незаконные поступки». Напутствуя подчинённых, Бенкендорф напоминал о значении высокого нравственного авторитета для успеха их деятельности: «Свойственные Вам благородные чувства и правила несомненно должны Вам приобрести уважение всех сословий... В Вас всякий увидит чиновника, который через моё посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского, и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту государя императора... На таковом основании Вы в скором времени приобретёте себе многочисленных сотрудников и помощников; ибо всякий гражданин, любящий своё отечество, любящий правду и желающий зреть повсюду царствующую тишину и спокойствие, потщится на каждом шагу Вас охранять и Вам содействовать полезными своими советами»⁸.

Э.И. Стогов, поступивший в Корпус жандармов в конце 1833 г., рассказывал в воспоминаниях, что гр. Бенкендорф заявил ему, кратко излагая суть своих требований: «Ваша обязанность — утирать слёзы несчастных и отвращать злоупотребления власти, а обществу содействовать быть в согласии. Если будут любить Вас, то Вы легко всего достигнете»⁹. Сам граф в последующей переписке называл свою инструкцию «нравственной»¹⁰. По-видимому, подобные высказывания легли в основание легенды, согласно которой, отвечая на просьбу о руководстве, «государь, взяв платок, передал его Бенкендорфу, высочайше выразив: “Вот твоя инструкция, чем более утрёшь им слёз несчастных, тем лучше исполнишь своё значение”»¹¹.

С негласного одобрения жандармского начальства копии инструкции стали циркулировать в обществе, а иногда по запросу направлялись местным властям¹². В феврале 1827 г. издатель «Северной пчелы» и информатор III отделения Ф.В. Булгарин писал Фоку: «Инструкция жандармам ходит по рукам. Её называют уставом Союза благоденствия. Это поразило меня и обрадовало. Итак, учреждение жандармов и внутренней политической системы (*surveillance*) не почитается ужасом, страшилищем, но Союзом благоденствия, которого цель представлена самыми блестящими красками в донесении Следственной комиссии»¹³. В.М. Бокова также отметила «прямое и очевидное сходство духа и буквы “Зелёной книги” с инструкцией Бенкендорфа»¹⁴. По мнению Т.В. Андреевой, в своём наставлении шеф жандармов «использовал либерально-

⁸ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 781–782.

⁹ Стогов Э.И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 108.

¹⁰ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 82 об.

¹¹ Цит. по: Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве... С. 11. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова высказали предположение, что эта легенда могла быть пушена в свет Л.В. Дубельтом и близкими к нему литераторами (Там же. С. 14).

¹² См.: ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1467, ч. 1, л. 146. Копии этого текста встречаются в различных архивных коллекциях. См., например: РГИА, ф. 1018, оп. 3, д. 221. В 1835 г. по решению гр. Бенкендорфа инструкция была сообщена губернаторам. Впрочем, нет оснований говорить о том, что она стала общеизвестной. М.А. Дмитриев, служивший в 1830–1840-х гг. в канцелярии московских департаментов Сената, вспоминал, как «достал, с большим трудом, инструкцию, которая давалась Бекендорфом (так в тексте. — Г.Б.) его тайным агентам» (Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Публ. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. М., 1998. С. 257).

¹³ Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ. А.И. Рейтблата. М., 1998. С. 140.

¹⁴ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 275–276.

просветительскую терминологию»¹⁵. Возможно, сказалось и влияние масонской стилистики, хорошо знакомой Бенкендорфу и Фоку с 1810-х гг.

С декабря 1826 г. к шефу жандармов стали поступать прошения об определении в губернские штаб-офицеры; в январе 1827 г. состоялись первые назначения. Тогда же устройство полицейской части обсуждалось в «Комитете 6 декабря 1826 г.» Опасаясь, что авторитет губернаторов пострадает при появлении в провинции чиновников с широкими и неясными надзорными полномочиями, члены Комитета рекомендовали «главного командира жандармов, заведывающего высшею полицией, присоединить к Министерству внутренних дел в звании товарища министра или ином для него приличном». Однако Николай I в подробной резолюции на представленном ему журнале объявил, что намерен доверить жандармам «*исполнение поручений, кои по высшей полиции* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые в подлиннике. — Г.Б.), по временам и обстоятельствам, нужны быть могут». Он предполагал, что «штаб-офицеры сии будут составлять род чиновников по особенным поручениям и не могут ни в каком случае полагать преграды в действиях местного губернского начальства, или в чём бы то ни было затруднять их, ибо сим жандармским начальникам не будет присвоено никакой власти, и обязанности их состоять должны в доставлении сведений сюда и губернаторам о том, что до них доходит или ими открыто будет»¹⁶.

Видимо, именно вследствие дискуссии, возникшей в Комитете, появилась (предположительно, в феврале 1827 г.) дополнительная инструкция, очерчивавшая круг действий и порядок взаимодействия жандармов с губернскими чиновниками. Подписанная шефом жандармов и утверждённая императором, она не разглашалась в обществе и не доводилась до сведения местных властей¹⁷. На штаб-офицеров ею возлагалась обязанность «доносить окружному начальнику жандармского корпуса о всех случаях особенной важности», соблюдая при этом «ясность и точнейшую истину, не позволяя себе гадательных заключений, но основываясь на положительных убеждениях». Особо указывалось: «Если дойдёт до Вас сведение о каком-либо противозаконном поступке, и Вы в справедливости оного совершенно удостоверитесь, то можете предварить о том словесно, или посредством *записки*, того начальника, до коего обстоятельство сие касаться будет; сим Вы подадите ему способ отвратить возникшее зло, или даже и предупредить оное. На сей конец должно Вам поставить себя на такую ногу, чтобы местные начальства Вас уважали и принимали бы *извещения* Ваши с признательностью». Для этого надлежало «приобрести к себе как благорасположение всех гг. начальников гражданских и военных, так равно уважение и доверие всех сословий»¹⁸.

Вместе с тем жандармам запрещалось вмешиваться в «действия и распоряжения присутственных мест и начальств, как по гражданской, так и по военной части». Им следовало «избегать, напротив, всякого вида соучастия и влияния

¹⁵ Андреева Т.В. Тайные общества... С. 751.

¹⁶ Журналы Комитета, учреждённого высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 74. СПб., 1891. С. 45, 47.

¹⁷ См.: Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 60. В историографии документ стал известен только в 1970-е гг. как «Дополнение к инструкции господину корпуса жандармов подполковнику и кавалеру Дейеру» (15 апреля 1827 г.). См.: Деревнина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. Приложения. С. XI–XIII.

¹⁸ Цит. по: Деревнина Т.Г. Указ. соч. Приложения. С. XI–XIII.

на производство дел и на меры, местными начальствами предпринимаемые». В частности, офицерам нельзя было принимать письменные прошения и жалобы, кроме «только обстоятельства особенной важности, до священной особы государя императора, до августейшей императорской фамилии, или до сохранения блага государства относящегося» (такие записки сообщались окружному начальнику или шефу жандармов)¹⁹.

С этого времени жандармские штаб-офицеры получали именные экземпляры двух инструкций²⁰, первая из которых носила скорее декларативный характер, а вторая определяла их положение в губернии. Они не подчинялись местным властям и негласно наблюдали за их действиями, но должны были выстраивать доверительные отношения с губернатором, помогая ему выявлять злоупотребления и беспорядки. Голубой мундир указывал на официальный служебный статус офицеров, но данные им секретные инструкции оставались вне правового поля. В результате «ни их конкретные права, ни взаимоотношения с местным начальством не были точно оговорены»²¹. Позднее в служебной переписке и частных наставлениях гр. Бенкендорф любил сравнивать жандармов с послами. А.И. Ломачевскому, поступившему в корпус в 1837 г., он разъяснил, что звание штаб-офицера «требует не только честного, благородного и вполне безукоризненного образа действий, но и осторожности дипломата, потому что, как выразился он, государь наш, определяя в каждую губернию жандармского штаб-офицера, желает видеть в нём такого же посланника, такого же честного и полезного представителя правительства, какого имеет оно в Лондоне, Вене, Берлине и Париже»²². В переписке начала 1840-х гг. граф повторял, что «жандармы должны быть, как я всегда говорю, как посланники в иноземных державах: по возможности всё видеть, всё знать, и ни во что не вмешиваться»²³.

В апреле 1827 г. царь утвердил «Положение о Корпусе жандармов», было сформировано корпусное управление, а также образованы пять жандармских округов и 26 отделений штаб-офицеров, охватывавших от одной до трёх губерний²⁴. Кроме того, штат отделения предусматривал наличие адъютанта в обер-офицерском чине и двух писарей; в дальнейшем в подчинение штаб-офицеров постепенно передавались конные городские жандармские команды²⁵.

¹⁹ Там же.

²⁰ В ведомстве высшей полиции они воспринимались как единое наставление. Так, в «Отчёте о действиях Корпуса жандармов за 1830 год» говорилось об обязанностях штаб-офицеров, «возложенных на них общим постановлением высочайше утверждённых в их руководство инструкций» (Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1930. № 1. С. 145). С 1828 г. им выдавалась также «Инструкция жандармским штаб-офицерам, командируемым на ярмонки, для исправления, во время продолжения оных, должностей временных комендантов».

²¹ «Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 7.

²² *Ломачевский А.И.* Записки жандарма. Воспоминания с 1837 по 1843 год // Вестник Европы. 1872. Т. II. С. 245.

²³ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 82.

²⁴ ПСЗ-II. Т. 2. СПб., 1830. № 1062. С. 396–397. Первоначально окружные управления располагались в Санкт-Петербурге, Москве, Вильно, Киеве и Симбирске. Вскоре управление IV округа перенесли из Киева в Полтаву, а в 1837 г. — в Одессу. Управление V округа в 1831 г. переместилось из Симбирска в Казань. В 1832 г. был образован III округ в Царстве Польском, в 1833 и 1837 гг. появились VII (сибирский) и VI (кавказский).

²⁵ Окончательно их подчинили губернским штаб-офицерам в 1836 г. на основании нового «Положения о Корпусе жандармов». Обязанности этих команд, созданных в Отдельном корпусе внутренней стражи в 1817 г., тесно смыкались с задачами земских полицейских чинов.

Сталкиваясь с непредвиденными обстоятельствами, начальники округов и отделений просили разъяснений и уточнения инструкций. В ответ Бенкендорф рассылал приказы по корпусу и делал частные указания. Со временем они, по его словам, «составили некоторый свод обязанностей жандармских офицеров, но свод и ныне ещё недостаточный, ибо ещё и теперь являются случаи, в которых тот или другой из моих подчинённых испрашивает моего разрешения»²⁶. Вместе с тем поступавшие с мест рапорты содержали ценные сведения об отношении жандармских чинов к секретным инструкциям.

14 февраля 1828 г. начальник I (петербургского) округа генерал-майор П.И. Балабин отметил в докладе, что «формирование жандармского корпуса с самого начала сильно обратило на себя внимание публики. Вообще считают предприятие сие трудным, а усовершенствование оного невозможным». Переговорив с неназванными, но заслуживавшими, по его мнению, доверия особами из высшего общества, Балабин «без всякого систематического правила» изложил свои соображения в записке «Нечто относительно жандармского корпуса и существующих ныне жандармских команд». Генерал-майор констатировал, что даже в придворных кругах не знали «ни о правах, ни о должности жандармских чиновников», поэтому многие просили «обнародовать и те статьи, кои относятся до власти, уже жандармским чиновникам данной». Начальник округа склонялся к тому, что «гласность сия, может быть, произведёт более пользы, нежели вреда». Те, кто знакомился с первой инструкцией, усматривали в ней перекличку с наставлением губернским прокурорам из «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. Именно прокуратура отвечала тогда за «наблюдение тишины и порядка и предупреждение всякого рода зла». Теперь эти обязанности могли бы взять на себя жандармы, но им следовало предоставить «надлежащее число помощников и достаточные средства». Вместе с тем Балабин считал излишне обременительным для начальников отделений руководство жандармскими командами, поскольку «где два предмета в виду, там один почти всегда мешать будет другому, и потому нужно избирать и заниматься преимущественнее тем предметом, который важнее»²⁷.

В конце 1820-х гг. жандармские офицеры не раз сетовали на запрет наводить справки в присутственных местах²⁸. Пытаясь изобличить чиновников, заподозренных в злоупотреблениях, или выяснить обстоятельства судебного процесса, они вынуждены были получать необходимые копии и выписки из дел окольным путём и сталкивались с недоброжелательством и противодействием губернских властей. В ноябре 1828 г. подполковник Н.П. Шубинский через доверенных лиц в ярославской городской думе достал списки распоряжений гражданского губернатора М.И. Бравина, который вскоре в конфиденциальном разговоре заявил жандарму, что лишь для него прощает чиновников, хотя они «за вынос будто бы канцелярской тайны должны быть наказаны». Сообщая об этом в Петербург, ближайший сотрудник Бенкендорфа — начальник II (московского) округа генерал-майор А.А. Волков — не скрывал, что «сей г. губер-

²⁶ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 83.

²⁷ Там же, ф. 110, оп. 3, д. 23, л. 1–7. Позднее А.И. Ломачевский писал, что первая инструкция была «в главных чертах сходна с сущностью наказа, данного Екатериной II губернским прокурорам» (*Ломачевский А.И. Указ. соч. С. 245*).

²⁸ Несколько отзывов с подобными жалобами сохранились в деле «О правилах, устанавливаемых для руководства гг. начальников жандармских округов и отделений»: ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 2, д. 207.

натора поступок над канцелярскими служителями, имея одинаковое влияние и на прочие канцелярии, приводит Шубинского в затруднение: как действовать ему по части наблюдательной и собирать сведения, если будут ему оказываемы такие препятствия?»²⁹. Бенкендорф не осуждал офицера, но просил его действовать осторожнее.

В апреле 1829 г. Волков сам жаловался на московского обер-полицмейстера генерал-майора Д.И. Шульгина, который будто бы запретил своим подчинёнными иметь дело с жандармами и принимать их дома. В условиях столь «строгой сокровенности от нас местного начальства действий своих» окружной начальник не мог гарантировать соблюдения дополнительной инструкции, требовавшей, чтобы представляемые им «сведения и наблюдения основаны были на совершенной верности». Оставалось надеяться только на Бенкендорфа: «Не изволите ли Вы (если сочтёте и со своей стороны полезным) испросить на будущее время разрешения, чтоб по крайней мере в тех случаях, по коим последует высочайшее соизволение, дозволено было мне нужные сведения получать от местного начальства, а не побочными сторонами, чрез кои наблюдения мои в делах, особенно важных, не могут всегда иметь совершенной точности»³⁰. Но и эта записка, по-видимому, не имела последствий.

Среди первых начальников отделений выделялся подполковник Н.Д. Бахметев — родственник Бенкендорфа по жене и крупный помещик Слободско-Украинской губ., куда он и получил назначение. В июле 1829 г. Бахметев сообщил фон Фоку, что «имел счастье дать многим делам правильное законное направление, многие не допустить до суда, а иные прекратить судопроизводством». Однако для этого следовало «иметь вернейшие сведения о ходе разыскиваемых... обстоятельств» и приходилось негласно (и, очевидно, не безвозмездно) договариваться с чиновниками и просматривать бумаги «в самом производстве дела, ибо в сём случае партикулярным слухам невозможно дать никакого вероятия». Несмотря на достигнутый результат, Бахметева не устраивало подобное положение. «Средство сие не всегда может быть успешно, — писал он, — и я почитаю оное противным собственному моему назначению, а с тем вместе, оно подвергает меня к потере уважения, без коего служение моё ни полезно, ни успешно быть не может». Николай Дмитриевич просил разрешить ему «входить в присутственные места, и, не вмешиваясь в производство дела, сохраняя совершенно приличие и вежливость, словом, отнюдь не подавая случая принести какую-либо на себя жалобу, просить о показании мне дела, возбудившего внимание или заслуживающего быть доведённым до сведения начальства, а буде настоит в том надобность, то просить о выдаче мне за скрепою присутствующих на простой бумаге копию». Как ему казалось, «право сие не может навлечь никаких нарушений в установленном порядке, тем более, что с частных резолюций и решённых дел всякий партикулярный человек, хотя бы и в чуждом для него деле, имеет право для себя требовать копии». На этом письме осталась пометка: «Докладывал — невозможно»³¹.

Управляющий III отделением вполне осознавал обоснованность жандармских жалоб и в начале 1830 г. подготовил для Бенкендорфа докладную записку, в которой размышлял о том, «как может [штаб-офицер] убедиться в том, что

²⁹ Там же, л. 19–20.

³⁰ Там же, л. 23.

³¹ Там же, л. 27–28.

действительно справедлив дошедший до него слух о притеснении судебным местом или лицами безгласного гражданина, тогда как не имеет права сообразить оный с производством дела?». Как рассуждал Фок, «если же полагаться на односторонние сведения, доходящие от тех лиц, которые почитают себя угнетёнными, или от лиц, принимающих в них участие, то само собою следует, что в таких случаях чиновники Корпуса жандармов невольно могут вовлекаться в ошибки: ибо обвиняемая сторона обыкновенно жалуется на неправосудие судей; следственно, для раскрытия истины необходимо должно позволить чиновникам Корпуса жандармов справляться в присутственных местах о всех тех делах, по которым до сведения их дойдут слухи о законопротивных поступках судей, притесняющих участь или тяжущихся, или подсудимых. *Справки* сии должны заключаться в одном прочтении дел». Было очевидно, что без этого почти невозможно изобличить чиновника в лихоимстве и «укротить зло сие, до невероятной степени ныне достигшее». Однако Бенкендорф отклонил это предложение, оставив на докладе краткую резолюцию: «Это долг прокурора»³².

После восстания в Царстве Польском в декабре 1830 г. начальником III (виленского) округа был назначен генерал-майор С.И. Лесовский, ранее несколько месяцев возглавлявший IV (полтавский) округ. 30 декабря в записке, составленной по поручению главнокомандующего Действующей армией генерал-фельдмаршала гр. И.И. Дибича, он утверждал, что инструкции, «которыми руководствуются чиновники Корпуса жандармов в обыкновенное время и внутри государства, не есть достаточны в нынешних обстоятельствах в губерниях, третий округ составляющих». В условиях нараставшего мятежа и предстоявшей военной кампании генерал-майор настаивал на том, чтобы штаб-офицерам округа позволили «входить по делам службы в письменные сношения со всеми властями гражданскими и военными, и чтобы требуемые ими сведения всякого рода были им непрекословно и без замедления даны». Копию записки Лесовский представил Бенкендорфу, который отметил на полях: «Не могу согласиться, ибо мы указательная только, а не исполнительная власть»³³.

Ещё в начале 1828 г. Балабин обратил внимание шефа жандармов на то, что «по большому пространству ныне существующих отделений нет возможности начальнику одного выполнять с успехом возложенные на него обязанности, ибо, находясь в одной губернии, он уже знать не может, что происходит в прочих, особенно там, где между губерниями мало бывает сношения»³⁴. Вскоре на это указал и Волков. Тогда Бенкендорф предложил штаб-офицерам находиться в каждом губернском городе своего отделения по 4–6 месяцев: «Переезжая таким образом из губернии в губернию, после продолжительного пребывания, они найдут способы везде приобрести благомыслящих знакомых, готовых содействовать благим их намерениям и вместе с тем образуют себе также сотрудников в подчинённых им жандармских офицерах, с которыми они будут иметь случай ближе познакомиться»³⁵. Между тем Волков опасался, что кочевой образ жизни, помимо бытовых неудобств, не позволит им укорениться

³² Там же, л. 38–39. Высказанное в этой записке мнение заставляет усомниться в том, что Фок мог инициировать составление дополнительной инструкции.

³³ Там же, л. 43–43 об.

³⁴ Там же, ф. 110, оп. 3, д. 23, л. 4.

³⁵ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 2, д. 207, л. 5. «Подчинёнными офицерами» Бенкендорф называл здесь начальников жандармских команд.

в провинции и расширить круг доверенных лиц: «Правительство, имея в виду сблизить начальников отделений с обществами и ввести их в тесное с оными соединение, дабы они в состоянии были проникнуть в связи их, выбирало для сего чиновников предпочтительнее тех, которые имеют в губернии свою собственность; но введение переездов их не будет соответствовать сказанному намерению: ибо во всяком новом городе начальник отделения должен заводить круг знакомства и связей вновь; что сопряжено с большими трудностями. Да при том временное перемещение их из одного города в другой, тогда как каждый из них имеет семейства и оседлость свою, может быть для них слишком отяготительным»³⁶. В феврале 1829 г. шеф жандармов уведомил военного министра гр. А.И. Чернышёва: «Я имею подробные сведения только из тех губерний, где штаб-офицеры имеют всегдашнее жительство, посему я полагаю, полезно будет назначить в каждую губернию по штаб-офицеру»³⁷. Император дал на это согласие, однако замещение открывшихся вакансий растянулось на несколько лет. Тем временем в октябре 1831 г. Николай I распорядился, «чтобы штаб-офицеры Корпуса жандармов не были помещаемы в те губернии, в коих имеют свои имения, по примеру того, как сие соблюдается при назначении гражданских губернаторов»³⁸.

С 1830 г. поступающие в корпус офицеры, выдержав в Петербурге испытание, получали именные экземпляры инструкций и напутствия шефа³⁹. В начале 1831 г. Бенкендорф поручил собирать их письменные замечания об инструкциях, никак не стесняя форму и содержание рапортов. «Распоряжение сие, — говорилось в его всеподданнейшем докладе в 1834 г., — с одной стороны, поставило меня в возможность ближайшим образом ознакомиться со способностями каждого штаб-офицера; с другой же, рассматривая представляемые ими замечания и находя оные более или менее уважительными, я вразумлял тех штаб-офицеров, которые не вполне понимали свои обязанности, а по мнению других давал направление действиям прочих»⁴⁰. По-видимому, наиболее содержательные отзывы были собраны в общую папку: в ней отложилось около 20 записок 1831–1835 гг.⁴¹ Судя по отметкам на полях, кроме шефа жандармов их читали дежурный штаб-офицер корпуса и управляющий III отделением⁴².

Поскольку Бенкендорф просил не мешкать с доставлением замечаний, многие офицеры писали их ещё до отъезда в губернию, ограничиваясь краткими отписками. Подполковник Н.П. Ковальский, отметив, что в наставлениях шефа жандармов «заключается самая благодетельная цель государя императора и видимая польза для спокойствия и благосостояния его подданных», признался: «По неопытности моей ничего более ныне прибавить не могу, но ежели

³⁶ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 167, л. 3.

³⁷ Там же, д. 157, л. 2.

³⁸ Там же, д. 282, л. 1.

³⁹ Там же, д. 184, л. 7.

⁴⁰ Там же, д. 221, л. 98.

⁴¹ Там же, д. 221. С данным архивным делом знакомилась Т.Г. Деревнина и И.В. Оржеховский (см.: *Оржеховский И.В.* Указ. соч. С. 63). После 1835 г. отзывы на инструкции подшивались к делам о назначениях офицеров, но с начала 1840-х гг. уже почти не поступали. Возможно, за эти годы они не сохранились, но более вероятно, что со временем к ним пропал интерес, и соответствующее поручение стало восприниматься как необязательная формальность.

⁴² С 1835 г. занимавший должность дежурного штаб-офицера генерал-майор Дубельт стал именоваться начальником штаба Корпуса жандармов, а с 1839 г. он одновременно являлся управляющим III отделением.

впоследствии откроется мне случай что присовокупить полезного, то за счастье себе поставлю о том иметь честь донести»⁴³. Впрочем, в дальнейшем он к этому уже не возвращался. Схожие заявления сделали полковник А.Ф. Войцех и подполковники Л.А. Квицинский и А.М. Ливенцов⁴⁴.

Другие высказывались более пространно, избегая критических суждений и демонстрируя, в какой мере они прониклись духом жандармской службы. Так, майор С.А. Ожигов утверждал, что инструкции «соответствуют в полной мере цели августейшего милосердного монарха» и «есть величайшее отеческое его благодеяние подданным, они обильны опытностью и действенны до сего времени беспеременно, будучи совершеннейшими и удобоисполнительными»⁴⁵. Подполковник А.О. Арсеньев полагал, что в наставлениях начальства «всё дышит благом для человечества, и каждому из нас остаётся только чувствовать цену сих мудрых правил и употреблять всё старание к исполнению оных с точностью и рвением»⁴⁶. Подполковник В.П. Волков выражал «чувствование верноподданнической за сие установление к монарху-отцу благодарности» и уверял Бенкендорфа, что «в правилах сих, невольно обнаруживающих добродетельное сердце Ваше, не только я, но каждый благомыслящий человек увидит плод опытности и обдуманной предусмотрительности». По его словам, «со времени учреждения Корпуса жандармов, в течение почти пяти лет, верноподданные государя повсюду непрестанно воссылают мольбы к Всевышнему о ниспослании ему всех благ за столь истинно-отеческое учреждение, которое... ограждает верною защитой справедливость и бедность от угнетения и водворяет правосудие»⁴⁷. Майор Л.К. Мейер-Женовский, обнаружив в инструкциях «совершенное достижение благотворительной цели, относящейся к благу престола, сохранению спокойствия отечества, и благотворительные средства в облегчении участи невинно страждущих, находящихся нередко в притеснении без защиты», восклицал: «Цель священная!»⁴⁸.

Некоторые офицеры излагали собственные представления о целях жандармской службы. К примеру, майор С.П. Тиличев усматривал «главнейшие обязанности чиновника Корпуса жандармов... в том, чтобы он с возможною скромностью, наблюдая за точным исполнением каждого своих обязанностей, и за ненарушимостью необходимой для блага отечества верности всех сословий к престолу, принял бы на себя ходатайство о всех беззащитных и безгласных, *в виде частного поверенного*, от высшего правительства для них поставленного»⁴⁹. Подполковник А.К. Грессер, направлявшийся в Ригу, видел свою задачу «в наблюдении злоупотреблений сокровенных и в обнаружении страждущей невинности или преступления ненаказанного». Он готовился «прилагать всё возможное старание, чтобы внушить к действиям своим доверенность не только нескольких лиц благонамеренных, но и всех жителей губернии, в коей он находится, уверить их, что цель учреждения Корпуса жандармов есть отеческое желание всеавгустейшего монарха видеть благоденствие всех и каждого и, наконец, что жандармский офицер обязан оказывать всем помощь и обна-

⁴³ ГА РФ, ф. 110, оп. 2. д. 184, л. 18.

⁴⁴ Там же, д. 627, л. 70; д. 689, л. 62; д. 806, л. 37.

⁴⁵ Там же, д. 221, л. 1.

⁴⁶ Там же, д. 501, л. 44.

⁴⁷ Там же, д. 221, л. 4–5.

⁴⁸ Там же, л. 6.

⁴⁹ Там же, л. 20.

ружением преступлений сокровенных и вредных злоупотреблений избавлять государство от людей неблагонамеренных и порочных, предавая их в руки правосудия». Рапорт был полон энтузиазма и надежд: «Как много можно найти бедствующих, угнетённых сплетением несчастных обстоятельств, как много преступлений, скрывающихся во мраке от попечительного правительства. Каждый по собственному и естественному влиянию сердца стремится по мере возможности оказывать помощь ближнему, тем более жандармский офицер, обязанный делать сие уже по долгу звания своего, поставит себе в священную и приятнейшую обязанность исполнять волю своего начальства, а вместе с тем быть полезным ближнему»⁵⁰.

Не зная практической стороны жандармской службы, Грессер сразу же предложил дополнить инструкции и поручить штаб-офицерам «иметь особенный неприметный, но деятельный надзор за всеми действиями полиции и вообще правительственной или административной части». Своё мнение он обосновывал тем, что отзывы публики о приговорах судебных палат «бывают иногда пристрастны и часто неправильны и не согласны с законами; для рассмотрения же тяжбы в существе надобно иметь в виду подлинное дело, коего жандармский офицер не вправе требовать к своему усмотрению». Напротив, «меры полиции большею частию бывают гласными. Общее мнение об них публики бывает основательнее, нежели суждение о тяжёбных делах... Приведённые же в действие не с надлежащею осмотрительностью и беспристрастием, меры таковые могут произвести бесчисленные притеснения и вместе с тем возродить в народе ропот и неудовольствие»⁵¹.

Конечно, штаб-офицеры по необходимости принаравливались к пожеланиям адресата своих посланий. Но характерно, что схожие риторические обороты можно встретить и в частной переписке отставного полковника Л.В. Дубельта, подавшего в январе 1830 г. прошение о зачислении в жандармы. Жена отговаривала Леонтия Васильевича от этого шага, и ему пришлось разъяснить свои намерения, причём он явно опирался на содержание первой инструкции: «Ежели я, вступая в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе имя моё, конечно, будет запятнано. Но ежели, например, я, не мешаясь в дела, относящиеся до внутренней полиции, буду опорой бедных, защитой несчастных; ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетённым, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжёбным делам прямое и справедливое направление, — тогда чем назовёшь ты меня?... Не буду ли я тогда достоин уважения, не будет ли место моё самым отличным, самым благородным? Так, мой друг, вот цель, с которою я вступлю в Корпус жандармов». Супругу тревожила реакция родственников и знакомых, но Дубельт её успокаивал: «Ежели же я буду страшиться мнения общего, то, конечно, перемена оного будет ненадолго, и я уверен, что в первые два месяца мои поступки и действия приобретут мне общую доверенность и уважение. Я описал тебе, мой милый друг, хорошую сторону предстоящей мне службы, теперь остаётся сказать, что ты можешь быть спокойна, и что я ни за что на свете не запятнаю своего доброго имени». Чуткость к пожеланиям начальства явно способствовала скорому назначению Дубельта дежурным штаб-офицером управления Корпуса жандармов и его дальнейшей блестящей карьере. В начале

⁵⁰ Там же, л. 15–16.

⁵¹ Там же, л. 16–17.

же своего пути Леонтий Васильевич думал скорее о более приземлённых обстоятельствах: он рассчитывал получить назначение поближе к имению жены и мечтал о том, что, «живучи в Твери, пойдёт у меня и постройка, как мы предполагали. Сколько выгод предстоит мне!»⁵².

Те офицеры, которые присылали свои отзывы уже из губерний, не ограничиваясь декларациями, указывали на неудобства своего положения. Инструкции предписывали жандармам искать расположения публики, но их скорее сторонились, принимая за агентов тайной полиции, готовых о любом неблагоприятном высказывании или поступке донести в Петербург. Эту отчуждённость многие офицеры связывали с тем, что в провинции не знали о цели их прибытия. Поэтому они просили обнародовать отдельные положения полученных ими инструкций. Полковник И.Л. Черкасов, имевший рекомендательные письма начальника сибирского округа А.П. Маслова и некоторых влиятельных особ, в сентябре 1834 г. занял пост тобольского штаб-офицера без предварительного испытания в Петербурге и быстро убедился: «Полезное предназначение жандармских чиновников, будучи в глубоком секрете для многих, иногда принимается в превратном виде, несмотря на то, что и самый мундир, им присвоенный, свидетельствует, что не скрытыми соглядатаями, но явными посредниками обиженных, притеснённых, прямыми врагами неустройства, злоупотреблений и коварных замыслов нарушителей общего спокойствия мудрое, попечительное правительство поставило их в быту гражданском». Офицер призвал опубликовать первую инструкцию, раскрыв «главный предмет учреждения Корпуса жандармов»⁵³.

Подполковник Ф.И. Бек, назначенный в январе 1834 г. в Вятку, уже к концу мая не без досады выяснил, что «в публике многие лица и даже некоторые вельможи, истолковывая по своему образу мыслей обязанности офицера жандармов, стерегутся его и избегают дружеских с ним сношений». Не удивляясь этому, офицер констатировал: «Натурально каждому человеку всякой тайне давать свой толк; естественно также и то, что всё таинственное располагает его к какой-то боязливой недоверчивости». Выход же виделся ему в том, чтобы «обязанность офицера Корпуса жандармов разделить на два отделения: одно сделать гласным и постановить регламентным порядком; а второе определяться будет частными от начальства предписаниями, имеющими быть в большом секрете. Тогда офицеры Корпуса жандармов успели бы скорее сдружиться с публикою и выиграть её доверенность, а те лица, с коими они обязаны иметь дело по службе, оставили бы свою излишнюю щепетильность, ибо в Русском царстве всё то свято, что начертит священная рука монарха, лишь бы сие в последствии времени выполнялось беспристрастно»⁵⁴.

Майор С.П. Лермонтов, прикомандированный к корпусному управлению в 1832 г., также указывал на «общий в различных сословиях и даже отраслях государственного управления недостаток доверчивости к жандармам». Ссылаясь на двухлетний опыт жандармской службы в Петербурге, он свидетельствовал: «Все сословия, привыкнув знать обязанности каждого из начальственных лиц государственного управления, но не имея никакого основательного понятия об обязанностях и правах жандармского штаб-офицера, зная только, что он

⁵² Леонтий Васильевич Дубельт. Биографический очерк и его письма // Русская старина. 1888. № 11. С. 501–502.

⁵³ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 90.

⁵⁴ Там же, л. 46–47.

имеет для руководства своего секретную инструкцию, почитают его существом таинственным, и потому часто скорее решаются быть жертвами злоупотреблений и несправедливостей, нежели прибегнуть к жандарму, и тем самым, отнимая у него возможность быть полезным на его месте, преграждают правительству путь к достижению той благотворной цели, для которой учреждён Корпус жандармов». Поэтому Лермонтов рекомендовал составить новую инструкцию и объявить о ней сенатским указом, кратко указав задачи нового ведомства и разъяснив, «в каких именно случаях каждый из лиц, губернию составляющих, может обращаться к жандармскому штаб-офицеру». Текст должен был выглядеть так, будто он «заключает в себе всё, до жандармского штаб-офицера относящееся», однако их следовало обеспечить и «секретною инструкцией, включив в оную всё то, что признаётся неудобным ко всеобщему объявлению»⁵⁵.

Схожим образом рассуждал майор Н.И. Юрьев, получивший в 1834 г. назначение в Ставрополь, где столкнулся с тем, что «не только низший класс народа, но даже высший и многие из чиновников, занимающих важные места в империи, — не зная прямых обязанностей наших, видят в офицерах сего корпуса чиновников, как бы предназначенных к тому только, дабы каждый неверный их шаг и неосторожно сказанное слово выставлять перед правительством. Таковое и подобное этому мнение не может доставить нам не только доверия, но даже и надлежащего веса в публике, а с тем вместе не может быть достигнута и главная цель; ибо чрез таинственное учреждение Корпуса жандармов родилось в народе какое-то недоверие к офицерам оного, которое трудно победить и изменить на искренность... бывает нередко, что появление жандармского офицера в обществе налагает печать молчания даже на уста благомыслящих, опасаящихся неосторожным словом обратить на себя невыгодное мнение правительства». Поэтому Юрьев считал целесообразным «составить одну полную инструкцию, сделать оную секретною, *обнародовав*, однако же, благотворную цель учреждения Корпуса жандармов, а обе инструкции упомянуть слегка»⁵⁶.

Обстоятельный отзыв полковника К.Я. Флиге датирован августом 1834 г. — к тому времени его автор более полугода находился в Курске и оттуда также призывал начальство опубликовать разделы первой инструкции, «относящиеся ко благу народа... дабы все сословия видели благотворную цель учреждения сего корпуса и не делали бы ошибочных заключений», хотя «многие пункты могут оставаться под строгою тайною, и для сего должно даже составить две инструкции»⁵⁷.

Некоторые офицеры не надеялись при сложившихся условиях приобрести «уважение и доверие всех сословий» и привлечь добровольных помощников. Публика с самого начала смотрела на них с подозрением и даже с неприязнью. Майор Г.М. Огарёв в ноябре 1839 г. писал из Иркутска, «как трудно видеть общество, в коем некоторые члены не были бы заражены противным духом, а потому как трудно жандармскому штаб-офицеру своими действиями расположить все умы в свою пользу»⁵⁸.

Не все жандармы разделяли филантропический настрой руководства ведомства. Д.А. Бердяев, поступивший в Корпус капитаном в 1831 г., в январе 1834 г. был произведён в майоры и назначен губернским штаб-офицером в Ар-

⁵⁵ Там же, л. 66—67.

⁵⁶ Там же, л. 53—54.

⁵⁷ Там же, л. 59—60.

⁵⁸ Там же, д. 751, л. 34.

хангельск, после чего 30 апреля отправил в Петербург свои замечания об инструкциях. Опасаясь интриг, он признавался, что «при всём пламенном усердии ко благу общему, при всём желании выполнить в точности обязанности звания чиновника, служащего в... Корпусе жандармов, легко может случиться, что с ним встретятся и даже приобретут некоторую степень его доверенности люди неблагонамеренные, основывающие действия свои на собственных своих выгодах и предпочитающие свои пользы общим, хотя бы то было и с навлечением вреда другим»⁵⁹. Ещё резче высказался Флиге, утверждавший, что в любом обществе преобладают «порочные» личности, и потому «всякий усердный штаб-офицер будет иметь более врагов, чем расположенных к себе людей, сколько бы он ни старался своим поведением и поступками обратить на себя внимание». Флиге не раз замечал, что «цель каждого говорящего штаб-офицера о всякой всячине есть всегда его собственная польза, а не польза общественная, о которой почти никто не хочет озаботиться. Опыт доказал мне, что даже умные люди, с прекрасными качествами и любящие правду, являясь, излагали о множестве злоупотреблений всякого рода и, наконец, всегда оканчивали злом, которое собственно им, родным или друзьям их вредит, о государственной же пользе и благе людей, их окружающих, они и не думают, и всего менее озабочиваются о бедном сословии и простом народе»⁶⁰.

Бенкендорф возражал против учреждения секретной агентуры при жандармских управлениях, и штаб-офицеры не получали специальных ассигнований на эти цели⁶¹. Но Флиге настаивал на том, что доверенные лица не заменят платных агентов. Причём «число их можно ограничить двумя: одного в высшем сословии, другого в низшем классе, и сих чиновников предоставить избирать самому штаб-офицеру на собственную его строгую ответственность... Сии агенты должны быть с хорошою нравственностью, но за всем тем их не следует допускать до секретных сведений и действий по части службы Корпуса жандармов, а употреблять тайно, единственно на дознание и доставление всевозможных сведений, чего сам собою штаб-офицер сделать не может»⁶². В феврале 1838 г. своё мнение о данной проблеме высказал подполковник Б.Ф. Гринфельд, который к тому моменту имел солидный опыт жандармской службы на Кавказе: с 1833 г. состоял в Закавказской секретной военной полиции, а после образования в 1837 г. VI (кавказского) округа возглавил управление в Ахалцихе⁶³. Ссылаясь на специфику региона, он сообщал в Петербург, что «для получения скорых и верных сведений о злоупотреблениях, которые нередко допускаются в провинциях Закавказского края, необходимо каждому жандармскому штаб-офицеру иметь надёжных агентов». Правда, в отличие от Флиге, он полагал, будто «в России почти каждый благомыслящий чиновник, дворянин или гражданин для общей пользы и спокойствия в силу принятой верноподданнической присяги готов по возможности содействовать благим намерениям жандармских штаб-офицеров», и только «азиатцы совсем иначе понимают общую пользу; они готовы ей содействовать, но не иначе как за деньги, и если кто из них решится о чём бы то ни было предварить без платы

⁵⁹ Там же, д. 221, л. 41.

⁶⁰ Там же, л. 58.

⁶¹ Там же, д. 273, л. 32.

⁶² Там же, д. 221, л. 58–59.

⁶³ Подробнее см.: *Бибилов Г.Н.* Создание жандармских учреждений на Кавказе в 1820-х — начале 1840-х гг. // *Российская история.* 2018. № 3. С. 134–158.

доверенного чиновника, то из десяти верно девять для того только, чтобы вредить или погубить своего врага или соперника, наговорив на него небывалых преступлений, нимало не опасаясь за ложный донос наказания»⁶⁴.

Многие офицеры жаловались на ограничения, наложенные дополнительной инструкцией. Запрет принимать письменные прошения лишал их важного источника сведений и ещё больше препятствовал приобретению полезных знакомств. Не нарушая принятых правил, майор Юрьев отказывался рассматривать такие бумаги, но уверял начальство, что от этого происходит «ропот на мнимое бездействие жандармов, по жалобам разного рода, думая, что они не хотят исполнять своей должности... Злые же, пользуясь сим, разглашают о бесполезности сего корпуса и тем вооружают публику, выставляя учреждение одного за недоверчивость самого правительства к народу, как бы для открытия одних только тайных обществ и для преследования легкомысленных крикунов!»⁶⁵. Майор П.В. Кушников недоумевал: «Если б человек бедный, какого бы он сословия ни был, нашёлся притеснённым от себе равного или кем из старших и, прошедши все инстанции правления в губернии, не найдя нигде защиты, а жаловаться бы в Сенат не имел бы средств и способа, — вправе ли тогда жандармский штаб-офицер, приняв от такого прошение, обратиться к местному начальству, чтоб одного удовлетворили?»⁶⁶. Дубельт отвечал, что исключения из правила не предусмотрены.

Подполковник Бек докладывал, что если, согласно логике дополнительной инструкции, ему нельзя принимать жалобы «ни на бумаге, ни на словах», то он «при всём своём усердии и изыскательности не имеет никаких средств знать о злоупотреблении властей». На это Бенкендорф счёл нужным лично указать Беку, что «нисколько не воспрещается жандармским штаб-офицерам выслушивать словесные просьбы или жалобы, но не дозволено принимать просьбы формальных, потому что вообще по разуму учреждения Корпуса жандармов чиновники одного не могут и не должны действовать формально»⁶⁷.

Как и в первые годы, много нареканий вызывал порядок служебных отношений с местными властями. Инструкции и циркуляры Бенкендорфа напоминали про исключительно наблюдательный характер действий штаб-офицеров, но некоторые из них стремились плотнее контролировать городскую и земскую полицию. Так, полковник Черкасов хотел делать запросы «о соблюдении в городах благоустройства и чистоты, с тем, чтобы полицейские управления не старались скрывать от них не только чрезвычайные, но и все вообще происшествия, заслуживающие внимания»⁶⁸. Полковник К.И. Влахопулов писал из Екатеринослава: «Осмеливаюсь полагать, что в губернских городах и даже в уездных полиция необходимо должна быть хотя бы под некоторым влиянием штаб-офицеров Корпуса жандармов, и ручаться можно, что тогда порядок в городах будет удовлетворителен по всем отношениям, воровство преследуемо и обнаруживаемо без малейшего упущения»⁶⁹.

Несмотря на неоднократные разъяснения шефа жандармов, его подчинённые упорно выступали против запрета на получение официальных справок

⁶⁴ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 714, л. 60 об.

⁶⁵ Там же, д. 221, л. 53 об.

⁶⁶ Там же, л. 8 об.

⁶⁷ Там же, л. 50.

⁶⁸ Там же, л. 90 об.—91.

⁶⁹ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 13, д. 245д, л. 39.

в присутственных местах. Майор Бердяев не мог понять, как можно соблюдать в донесениях «ясность и точнейшую истину», не имея доступа к делопроизводству. Офицер сознавался, что без негласного содействия гражданского губернатора И.И. Огарёва, назначенного из жандармов, «весьма легко мог бы быть вовлечён во многие ошибочные заключения о поступках и действиях некоторых лиц и о направлениях, которым они следуют, прежде, нежели мог удостоверить в несправедливости сообщённых мне сведений, на что потребовалось бы весьма много времени и усилий». Бердяев просил разрешения в исключительных обстоятельствах «обращаться непосредственно к главному местному начальству с испрашиванием способов воспользоваться указанием извлечь о таких случаях или предметах, равно и поступках и действиях, сведения из официальных источников, хотя и не всегда могущих открыть самую истину, но, во всяком случае, составляющих ближайшую возможность её постигнуть»⁷⁰.

Бек доложил о том, что, управляя Вятской губ., вице-губернатор А.Л. Афанасьев в частном порядке обещал принять меры по жалобе местного крестьянина, но затем, как стало известно через секретаря губернского правления, оставил её без движения. «После сего случая, — возмущался подполковник, — возможно ли без справки с самим делом в присутственном месте положительно убедиться, что дошедшее до сведения моего обстоятельство или пересказанное мне злоупотребление и притеснение есть таково, как оно в существе своём и как оно известно будет при формальном раскрытии дела?». Эта жалоба, созвучная общему мнению жандармов, заставила гр. Бенкендорфа в июле 1834 г. ещё раз заявить о своей позиции: «Жандармский штаб-офицер, — вновь повторял он, — не должен участвовать в делах официальным образом, *как, например, губернский прокурор*, но всегда может и даже обязан частным образом стараться направить на путь справедливости принявшее неправильный ход дело... а вместе с тем стараться приобрести общее уважение и следующую за оным безусловную доверенность, как главнейших в губернии, по части правительственной, лиц, так даже и вообще дворянства и всех в губернии сословий; из сего явствует, что уметь заставить любить себя в губернии есть одна из первых обязанностей жандармского штаб-офицера как открывающая путь к достижению цели, для которой учреждён жандармский корпус: жандармский штаб-офицер, умеющий быть гражданином между лицами, наблюдению его вверенными, всегда и легко увидит все злоупотребления и несправедливости и, не действуя явно, без больших затруднений, исправит многое и принесёт ожидаемую от него правительством пользу»⁷¹.

По установившемуся порядку, жандармы передавали чиновникам сведения устно или частными записками, не имея права требовать официального ответа. Губернаторы могли игнорировать эти донесения или отделываться отписками, не опасаясь последствий, что обесценивало усилия штаб-офицеров. Майор Юрьев сетовал на то, что если первая инструкция давала «возможности войти в положение утеснённых», то «дополнение к оной отнимает все средства выполнить обязанности соответственно ожиданиям правительства и настоящей цели учреждения сего корпуса; ибо в случае какой-либо жалобы жандармский офицер, соображаясь с сим дополнением, не может даже узнать — справедливы ли сии жалобы и заслуживают ли ходатайства; а довольствуясь тем только,

⁷⁰ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 42–43.

⁷¹ Там же, л. 50–51 об.

что подаёт начальству записки, которые весьма часто остаются без внимания». Юрьев не сомневался в необходимости обязать чиновников давать письменные ответы, «сделано ли что по записке, им поданной, и в случае невнимания к оной и действительной несправедливости дела — войти в положение утесняемых чрез своё начальство»⁷².

Более того, при таких условиях заступничество жандарма могло грозить поданным новыми неприятностями. Отставной 58-летний подполковник П.А. Соколов в январе 1834 г. отправился в Вологду, имея за плечами опыт службы уездным и губернским предводителем дворянства в Пошехонье и Ярославле. Ознакомившись в Петербурге с инструкциями, он сразу же высказал опасение, что если «лицо, обратившееся к штаб-офицеру со словесною жалобою о безвинном угнетении его пристрастными действиями властей, не получит от такового напоминания не только удовлетворения, но ещё подвергнет себя мщению со стороны того лица, от коего иногда зависит честь и участь его, то штаб-офицер, не имея никакого права входить в письменные сношения с местным начальством и требовать основательного сведения о существе дела... сим самым поставляется уже в совершенное затруднение к пресечению зла в самом его начале и в таких обстоятельствах, принуждён будучи ограничиться одним лишь донесением своему начальству, едва ли всегда может ручаться за верность сего донесения, как между тем промежуток времени доставит виновнику зла все удобства сокрыть или по крайней мере затмить настоящую истину дела»⁷³.

В основательности подобных опасений убедился майор А.К. Мишо, который «часто бывал бессильным свидетелем, что его посредничество обращалось во вред прибегавшим к его защите». С 1833 г. он служил адъютантом губернского штаб-офицера в Уфе, в начале 1835 г. возглавил управление в Красноярске, но только в ноябре направил в Петербург «Замечание о настоящем положении Корпуса жандармов», признаваясь гр. Бенкендорфу: «Долго, долго в сём случае я отлагал исполнить повеление Вашего сиятельства, — предпочитая быть виноватым медленностью, чем представлять мнения, основанные не на опытах». Мишо исходил из того, что «нынешний Корпус жандармов в России не должен уподобляться существующим в других землях, в другие времена тайным полициям и не может заимствовать правил от них», поскольку «попечительное откровенное правительство не нуждается в способах, внушавших всегда общую недоверчивость». Однако «настоящая необходимость требует возвышенную часть, составленную из заслуживающих всякого доверия чиновников, которые были бы в состоянии (не размножая дел) остановить злоупотребителей, ограждать угнетённых, направить к рассудку заблудших». В своём донесении Мишо риторически вопрошал: «Кому не известно положение дел в государстве? Кто не скорбел, видя фальшивые истолкования премудрых законов, благотельных намерений правительства? Кто не претерпевал от злоупотреблений власти и доверия? Кто из начальствующих не чувствовал недостатка в верных исполнителях повелений?». Между тем за минувшие годы офицер не раз натывался на недоброжелательство и противодействие губернских властей, а там, «где начальник по своим причинам не желает пособий жандармов — там их влияние разрушено». Ведь, «не быв облечён особенною значительностью, какими

⁷² Там же, л. 54.

⁷³ Там же, л. 28 об.—29.

качествами жандарм поборот искусство противостоящих ему дельцов». Всё это приводило Мишо к неутешительному выводу: «Настоящее положение Корпуса жандармов не соответствует высокому намерению его учредителя. Труды его чиновников часто теряются, не принося ожидаемую пользу. Я здесь повторяю слова благонамеренных, говорю по собственному убеждению — из опытов»⁷⁴. Управляющий III отделением А. Н. Мордвинов написал на полях записки майора: «Замечания его я нахожу справедливыми. Впрочем, они доказывают только, что трудно быть хорошим жандармом»⁷⁵.

Флиге усматривал противоречия в инструкциях, которые призывали жандармов добиваться расположения местных властей и одновременно обнаруживать их злоупотребления. В свойственной ему категоричной манере полковник заявлял, что «чем усерднее и беспристрастнее он будет действовать и строже исполнять истинную свою обязанность, то есть открывать зло и беспорядки и выставлять злонамеренных чиновников, то тем более он приобретёт врагов. Все те чиновники, которых он выставит как злонамеренных и не заслуживающих внимания правительства, будут ему непримиримыми врагами с целыми фамилиями и даже с друзьями». Учитывая это, следовало упорядочить отношения жандармского штаб-офицера с местной администрацией на основе формальных и гласных норм, тогда как в инструкциях «неясно определены права и власть его к лицам служащим и неслужащим, к местам присутственным: полиции, думе, квартирной комиссии, врачебной управе, вольным пансионам, всё сие необходимо нужно пояснить и утвердительно сказать: что он вправе и чего не вправе требовать, дабы все действия его основывались на законной обязанности и дабы он не блуждал в своих предположениях и не выдумывал бы своих прав, чрез что нередко встречаются затруднения и даже неприятности». Обобщая свои наблюдения, Флиге констатировал: «Права, данные штаб-офицерам... слишком ограничены и неясны... средства, предоставленные им, во всех отношениях слишком убоги»⁷⁶.

На общем фоне выделялась записка полковника А. П. Маслова, который поступил в корпус в начале 1827 г. и вскоре приобрёл репутацию активного и толкового чиновника. Через несколько лет он уже возглавлял V (симбирский) округ, а с 1833 г. исполнял обязанности первого начальника VII округа в Сибири. Замечания на инструкции Маслов представил только в феврале 1835 г., находясь в Петербурге, вероятно, вследствие прямого указания шефа жандармов.

По сути, воспроизводя и заостряя доводы своих сослуживцев, Маслов уделил основное внимание отношениям жандармов с местными властями. За время службы в отдалённом крае он неоднократно наблюдал, как губернаторы предпочитают игнорировать жандармские донесения или дают расследованиям «превратный ход единственно для того, чтоб отклонить не только ищущих защиты, но даже одних советов у чиновников Корпуса жандармов». Неудивительно, что «подобные случаи невольным образом заставляют отклоняться принимать участие в несчастьи или в стеснённом положении человека, чтоб более не повредить ему». Между тем «начальники губерний всеми мерами ста-

⁷⁴ Там же, л. 69с–69д.

⁷⁵ Там же, л. 69.

⁷⁶ Там же, л. 57–59. Видимо, не случайно служба этого офицера в Корпусе жандармов была отмечена чередой столкновений с губернскими властями. См.: *Бибиков Г. Н.* Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К. Я. Флиге в 1830–1840-е гг. // *Российская история*. 2021. № 2. С. 86–104.

раются отклонять не только служащих чиновников, но и граждан от сношений с штаб-офицерами Корпуса жандармов и показывают явное недоброжелательство, иногда и преследование тем, которые сближаются по одному обществу». Жандармские рапорты, посланные в Петербург, обычно возвращались к тому же губернатору, который опровергал их «без малейшего основания... дабы показать ничтожность представления». В итоге, отмечал полковник, «при всём старании снискать расположение начальника губернии весьма редко достигаешь вполне своей цели. Напротив, беспрестанно бываешь свидетелем не только неуместного обращения, но даже в некоторых отношениях видишь себя подвергнутым ежели не явным образом, то косвенными путями такого рода оскорблениям, которые благородному человеку тяжело терпеть, но, скрепя сердце, переносишь подобные оскорбления единственно для того, чтоб не вовлекать начальство в сомнение, что в действиях наших переступаем границу предписанных нам правил. С полною откровенностью осмеливаюсь сказать, подобные оскорбления, особенно от лиц значительных, и унижение в глазах публики, с намерением делаемое весьма часто, поселяет желание оставить службу. Одна верноподданническая преданность заставляет пренебрегать неуместное обращение гражданского начальства»⁷⁷.

Маслов верил в то, что жандармы способны ограничить злоупотребления чиновников, но для этого надо было укрепить их положение, «постановить постоянные для руководства правила» и прежде всего предоставить им доступ к делопроизводству присутственных мест или право требовать выписки из бумаг. Он также признавал желательным дозволить офицерам обращаться к губернаторам с отношениями и запросами, которые предполагали бы обязательный ответ «с представлением ясных доказательств» и позволяли бы «подвергать ответственности» в случае «неосновательности опровержения». Для защиты частных лиц, прибегавших к покровительству жандармов, «поданная записка по обстоятельствам дела должна быть в виду судебного места и даже Сената». А для того чтобы поддержать авторитет и репутацию офицеров в глазах публики, правила эти следовало объявить высочайшим указом или, по крайней мере, сделать их «известными всем, до кого должно относиться». Со всей убежденностью Александр Петрович заключал: «Дать в общем мнении нам степень значения должно быть первым условием нашей службы. В противном случае учреждение Корпуса жандармов не может принести существенной пользы»⁷⁸.

По сути, не выходя за рамки служебного этикета, Маслов оспаривал основные установки, которыми гр. Бенкендорф руководствовался с момента создания корпуса. 13 февраля 1835 г. шеф жандармов в присутствии Дубельта и Мордвинова лично изложил и объяснил ему «все обязанности гг. генералов и штаб-офицеров Корпуса жандармов»⁷⁹. Подробности этой аудиенции неизвестны, но можно предположить, что наставления графа перекликались с его суждениями, высказанными в служебной переписке через несколько лет: «Ежели подобные права будут предоставлены чиновникам вверенного мне корпуса, то они неминуемо составят собою часть управляющей... власти, и таким образом, даже при самой величайшей благонамеренности, будут в иных случаях затмевать истину, дабы не подвергнуться ответственности за неисправности или беспо-

⁷⁷ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 80–81.

⁷⁸ Там же, л. 74 об.–78.

⁷⁹ Там же, л. 73.

рядки, которые они прекратить имели право и возможность, тогда как доселе существующий порядок имеет то преимущество, что окружной начальник Корпуса жандармов и штаб-офицеры его округа, не будучи причастны ни к каким местным распоряжениям, не опасаются извещать высшее правительство как о добре, так и о зле». Но Александр Христофорович по-прежнему утверждал: «Власть жандармов... не должна быть исполнительная, — её действия должны ограничиваться одними наблюдениями, и здесь, чем более они независимы, тем более могут быть полезны, ибо в настоящем положении... их опасаются, предполагая, что они всё знают и обо всём доносят, — удобство, которое неминуемо рушится, ежели они, присвоенною им властью, будут участниками в правлении, и тем соделаются или рабами местного высшего начальства, или оппозициею для оногo»⁸⁰.

Маслову вскоре пришлось оставить жандармскую службу из-за конфликта с генерал-губернатором Западной Сибири кн. П.Д. Горчаковым. Между тем офицеры продолжали жаловаться на местную администрацию. Майор И.М. Огарёв вспоминал, как в январе 1839 г. отправлялся в Тобольск, веря, что «для жандарма с чистой совестью, с желанием быть полезным службе первая и вторая инструкции, хотя последняя с некоторым ограничением, обе представляют обширное поле распространить своё действие». Однако на месте выяснилось, как «много дел, происшествий и даже злоупотреблений стараются скрыть от жандарма, и он, не имея средств и способов к достижению той благородной цели, с коей учреждён Корпус жандармов... должен с душевным прискорбием прежде, нежели приступить к делу — сыскать расположение гражданского начальства, что иногда бывает тщетно». Офицер остро ощущал, «какая разница быть наблюдателем или действующим лицом»⁸¹. Ему вторил его младший брат майор Г.М. Огарёв, назначенный месяцем ранее в Иркутск: «Конечно, долг и честь есть священная обязанность, но как я могу остановить внутренние управления, когда словесные и письменные докладные записки, мною данные, останутся тщетными. Если местное начальство не будет слушать глас истинной справедливости, я останусь бесполезным как по возложенной на меня должности, так и мысли благодетельной инструкции мне данной»⁸². Их донесения, подшив к делу, оставили без ответа.

Судя по ведомственному обзору первых 25 лет деятельности III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, со временем руководство высшей полиции признало те затруднения, о которых докладывали штаб-офицеры: «Жандармы должны за всем смотреть и не быть явными полицейскими чиновниками, обо всём доносить и не заслужить названия шпионов и доносчиков... не укрывать злоупотреблений даже начальствующих лиц и в то же время оставаться в полном подчинении им, всё это беспрерывно поставляет их в затруднительное положение, в борьбу с разными лицами и со своим долгом»⁸³. Впрочем, и тогда существенных изменений в служебном положении жандармов не произошло. В конце 1850-х гг. один из них вновь безуспешно призывал принять за правило, дабы «начальники губерний и другие начальники вообще по докладным запискам жандармских штаб-офицеров письменно уведомляли, какое по оным последовало распоряжение для донесения их начальству; что нисколько не

⁸⁰ Там же, ф. 109, I экспедиция, д. 395, л. 81–82.

⁸¹ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 549, л. 48–50.

⁸² Там же, д. 751, л. 34.

⁸³ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2271, разд. X, ч. II, л. 99–100.

может затруднить, потому что записки согласно инструкции жандармскими штаб-офицерами вообще подаются весьма редко и по делам только особой важности»⁸⁴.

Таким образом, жандармские офицеры 1820–1830-х гг. неизменно выражали приверженность тем целям своей службы, которые были обозначены в первой секретной инструкции А.Х. Бенкендорфа. Между тем круг их должностных полномочий определяла дополнительная инструкция 1827 г., согласно которой они выступали лишь наблюдателями местной жизни, призванными помогать губернатору, не вмешиваясь в его дела. Все их контакты с жителями и властями губернии должны были носить неформальный, предпочтительно негласный характер. Многие офицеры осознавали, что данные правила ставили их в двусмысленное положение, лишая реальных рычагов влияния на администрацию, и тщетно добивались разрешения наводить справки в присутственных местах, обращаться к служащим других ведомств с официальными запросами, принимать письменные жалобы подданных и т.п. Поскольку неопределённость целей и служебных полномочий жандармов отпугивала публику, офицеры предлагали обнародовать хотя бы основные положения своих инструкций. Однако гр. Бенкендорф последовательно отстаивал изначальные принципы организации надзора, опасаясь, что иначе жандармы в будущем неизбежно сольются с прочей массой местных чиновников. В соответствии с указаниями императора он требовал от подчинённых действовать неформально, а возникавшие на местах конфликты предпочитал решать, используя личные контакты с министрами. Несмотря на отдельные новации, главные основания жандармской службы, определённые первыми секретными инструкциями, оставались неизменными вплоть до реформы высшей полиции в середине 1860-х гг.

⁸⁴ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 19, д. 247, ч. 1, л. 101 об.–102.